

продвижение соляных караванов, явно тяготевших к Тулузе, и то, что пресечение алчности Караманов (так же, как и местного сеньора Урика Аурюза)³⁸ явилось делом тулузского епископа и тулузского графа, — все это ясно показывает, что одним из важнейших, а затем и важнейшим центром потребления соли в этом районе становилась Тулуза. Базьежский рынок, по сути, оказывался, и чем дальше, тем больше, *тулузским* соляным рынком. Он должен был стать таковым на деле.

Но, как было отмечено выше, несмотря на то, что это была резиденция графов, Тулуза как город до начала XI в. имела столь малое значение, что не была в состоянии ни защитить интересов своих жителей, как потребителей соли, ни ограничить непомерное хищничество феодальных владельцев базьежского рынка — Караманов. Напомним, что даже граф для этой цели должен был прибегнуть к содействию церковного собора.

В первые годы XI в. начинает вырисовываться другая картина. За решением тулузского собора чувствуется какая-то назревшая острая потребность. Приток населения в Тулузу в эту пору только начинался и сам по себе не мог вызвать столь резкого возрастания потребления соли. Но именно в это время зарождаются первые поселки ремесленников-кожевников — за стенами Ситэ, вдоль Гаронны и на острове Тунисе, а главным образом — севернее Ситэ, также по берегу Гаронны — поселок Кузи́на, один из важнейших очагов будущего Бурга.

Производственное потребление соли — вот, видимо, тот новый важнейший стимул, который резко повысил потребность Тулузы в этом продукте и заставил вытравить соляной рынок из рук деревенских сеньоров, чуждых интересам возрождавшегося города и лишавших феодалов, тесно связанных с Тулузой (в первую очередь графа и сенсерненских каноников), тех огромных выгод, которые теперь сулили им господство на возникавшем тулузском соляном рынке. Этим, очевидно, и следует объяснить экстраординарность тех мер, которые были пущены в ход против алчных Караманов.

Таким образом, ведущие церковные и светские феодальные силы Тулузена исходили при этом из своих интересов, но они несомненно использовали заинтересованность и возникавших городских сил. Об этом, как отмечалось, свидетельствует и содержащийся в акте 1006 г. смутный намек на тех (*aliis viris audientibus*), кто, хоть и не видели самого отказа (т. е. подписи) Доната Карамана от его незаконных поборов с соли, но слышали устное произнесение этого отказа, т. е. присутствовали при этом решающем акте³⁹. Можно сказать, что горожане уже появились, и, может быть, именно их появление, породившее новые интересы, предопределило и самую акцию и победу графа и епископа над Караманами, опиравшимися на старинное королевское пожалование. Но пока что эти горожане едва вырисовываются, как безымянная масса, присутствующая только за сценой.

К концу столетия положение начинает меняться. Уже под грамотой

³⁸ «...дабы он или его люди впредь никогда не причиняли ущерба людям, прибывающим на рынок» (*ibid.*, № 135).

³⁹ Cart. S.-Sernin, № 137.